

Русские цитаты Джона Ноймайера

Spring and Rise

Джон Ноймайер
и Джон Ноймайер

Мариинский театр показал премьеру балетов Джона Ноймайера. Хореограф с собственным авторским театром в Гамбурге. Разборчивого, но оттого еще более желанного гостя крупнейших мировых трупп. Одного из лидеров поколения, пришедшего вслед за Морисом Бехаром. Сообщать какие-либо иные биографические подробности не так уж и важно: Ноймайер, как всякий классик, давно не равен самому себе.

Ноймайер перенес в Мариинку два своих балета начала 1990-х: *Spring & Fall* на музыку Дворжака, *Now & Then* на музыку Равеля. И поставил эксклюзивно на музыку альтового концерта Альфреда Шнитке ("моего друга") — "Звуки пустых страниц". Все три балета — программные. То есть с пунктирным эмоциональным сюжетом из серии "музыка наваяло". Изобретательные придуманные. Отлично сделанные. Слегка старомодные. Корректно упакованные (дизайн двух из них принадлежит самому Ноймайеру). Местами нудноватые. Местами остроумные. Классно протанцованные артистами Мариинки: абсолютно всеми — от примы Ульяны Лопаткиной до безвестного кордебалетного юноши. Композиция всего спектакля движется от буклической реззости *Spring & Fall*, через сексуальную спартакиаду *Now & Then* (мужские купальники, пурпурные штиты декораций). И далее — к странно затягивающей, плывущей, едва удерживающейся на грани текста пластической какафонии "Звуков" (про большое безумие большого художника). Считается, что поколение хореографов, к которому принадлежит Ноймайер, ныне дружно переживает творческий кризис. Ноймайер, если судить по спектаклю Мариинки, отдался довольно дешево. Художественный темперамент несколько иссяк, матрица слегка стерлась, но воля и прославленный интеллект позволяют удерживать былую стилистическую стабильность, регулярно печатая вполне успешные балеты. На мой вкус, можно смело приходить в театр ко второму отделению. Однако сам эффект появления Ноймайера в Петербурге переживает любые удачные или поражения отдельного спектакля.

Прежде всего потому, что в стенах Мариинки давно не случалось видеть столь цельного и волевого авторского высказывания.

Джон Ноймайер
и Дягилев

Ткань всех трех балетов прошита и переливается цитатами. Мимолетные, они не мозолят глаз. Но создают вокруг каждого опуса устойчивый смысловый и образный ореол. Книга во всех трех случаях берется одна и та же — Русские сезоны и Русский балет Сергея Дягилева: для Ноймайера — вместилище культурной памяти, белостой союз балетного искусства, неисчерпаемый фонд пластических метафор, предмет многолетних творческих рефлексий. Свою влюбленность в эту эпоху хореограф культивирует давно и тщательно. Завсегдатая аукционов, он превратил город Гамбург в

фан-клуб Вацлава Нижинского. Если бы Ноймайеру повезло совпасть с Дягилевым во времени, Русский балет не нашел бы лучшего летописца. В работе с источником нет, Боже упаси, и графа иронической деконструкции: осторожно, груз хрупкий! "Ах, как он говорил о ней, как вынимал из шести плотных треугольных конвертов шесть привезенных экземпляров, приближал к бюрному единственной самочке лупу, вставленную в глаз, — и как набожно его препаратор размачивал сухие, лоснящиеся, тесно сложенные крылья, чтобы потом гладко прогнать булавкой грудку бабочки, воткнуть ее в пробковую щель и широкими полосками полупрозрачной бумаги плоско закрепить на дощечках как-то откровенно беззастенчиво распахнутую красоту". *Spring & Fall* с девами-нимфами и юношами, падающими наземь, как зерна, объединяет пластическими находками Ballet Russe по теме "Весна": вот мальчишка Айседора Дункан (белые платяные-туники, распущенные волосы, невыворотливо вскидываемые вперед колени), вот Фавн Нижинского, вот его же "Весна священная". *Now & Then* показывает урбанизм, каким его понимал все тот же Ballet Russe: модные купальники, веселая чувственность, немногой здоровой юной меланхолии, флирт на фоне неназванных занятий физкультурой — "Игры" (брата) и "Толубой экспресс" (сестры) Нижинских. "Звуки пустых страниц" населены привидениями "Юноши и смерти" Жана Кокто/Ролана Пети, привидениями, в свою очередь выключенными в "Юношу и смерть" из фокинского "Петрушки".

Джон Ноймайер
и Баланчин

В большом мире, который простраивается за стенами Мариинки, Ноймайер ставит по-всякому: с сюжетом и без. Наибольшую славу ему принесли хореографии литературы: например, "Дама с камелиями" и "Отелло". Трудной же поворот по освоению танцем цикла симфоний Малера потряс умы разве что безрассудной отвагой и нежной грандиозностью замысла. Как известно, подвиги редко решают исход сражений, ценность их скорее эмблематическая. Малеровский цикл Ноймайера — вызов, брошенный музыке танцем. Вывер в соблазн и гордыню, конечно, Баланчин, триумфально уравнивший музыку и танец в правах выразительности. Но хитрейший Баланчин говорил, что поставил бы Малера при одном условии — миллион долларов, однозначно утверждая, что далеко не любую музыку можно станцевать. А Ноймайер взял да поставил. Подтвердив, увы, правоту Баланчина. Его балеты на музыку Дворжака и Равеля, предложенные Мариинке, из этой же серии. Оба прелестны, остроумны, но отягощены неистребимым занудством. Потерпело фиаско не мастерство постановщика или умения мариинских танцовщиков (и то и другое — на высоте). Просто хореография исчерпывает ресурс сценического времени, времени взаимодействия со зрителем, раньше музыки.

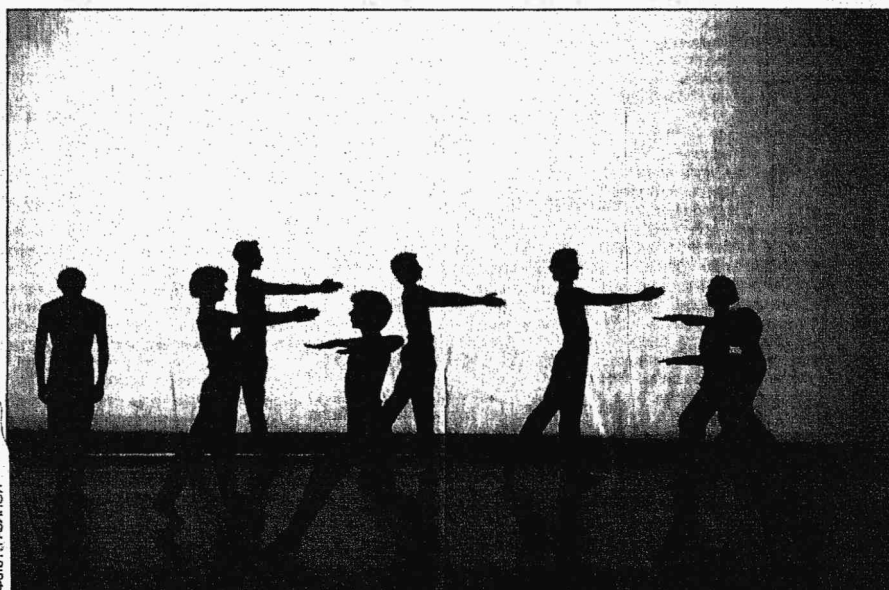
против комплекса творческой неполноценности, терзающего русских артистов на всем постсоветском пространстве. Что такое сегодня The Great Russian ballet внутри мирового балетного рынка? Чайковский, Петипа, белые лебеди, розовые пунты, фирменная душевность — тасная резервация, границы которой бдительно охраняют заплывные импресарио. Эта схема прибалетно работает уже несколько десятилетий (высвечивать за гранью советские артисты начали в 1960-е) и — теоретически — может проработать еще столько же. "Ho", как всегда, одно. Лабораторную чистоту расчетов замутнит человеческий фактор, игнорировать который в балетном искусстве невозможно: розовые пунты и белые пачки надежды на людей. И эти люди толстеют и артачатся, стареют, простужаются, получают травмы, а главное — устают. Психологическая усталость от классики — едва ли не главное, чем сегодня отягощено театральное производство Мариинки. Таков итог безвременья 1970 — 80-х. С середины все тех же 1980-х русский балет не произвел ни одной плодотворной стилистической идеи, которая реализовывалась бы параллельно с классикой и воздвигалась бы на вечно живую классику как стимулятор. В 1920-е такой идеей был танцевальный конструктивизм Федора Лопухова, в 1930 — 40-е — балеты-драмы, в 1960-е — танцевальный симфонизм Юрия Григорьевича и Игоря Бальского. 1990-е предложили интеграцию в мировой балетный процесс. В Мариинке появились Джордж Баланчин, Ролан Пети, Кеннет Макмиллан. С одной стороны, Ноймайер продолжает ряд западных классиков, упущенных русскими за годы советской изоляции, а теперь наверстываемых. С другой — резко из этого ряда выламывается. По той простой причине, что хореограф — не живой и действующий. Более того, хореограф, для которого

стоящий перед ним танцовщик — фактор его собственного стиля, единица его измерения. Ноймайер проводит стройнейшие кастинги. Против фамилии каждой кордебалетной девушки готов писать пространственные аннотации. Он фотографирует своих артистов. Он носит с ними как с писаной торбой. Он говорит, что атмосфера в балетном классе для него важнее, чем взаимоотношения с публикой. Его заворачивает непрерывная психофизика: чем страннее, тем лучше, в ней он черпает вдохновение. Ему нравится распускать волосы своих танцовщиц и заманчиво обнажать тела своих танцовщиков. Ему нравится, когда в танце свободно треплющиеся волосы прилипают к потным лбам — это возвращает сифидным балетным артистам их человеческую природу. В Мариинке все было именно так.

Вообразите: в балетный класс входит портрет из энциклопедии. Реакция петербургских танцовщиков легко поддается реконструкции. А главное — почти без поправок переносится затем на сцену: священный огонь в глазах, максимально интенсивное проживание текста, чуткая сейсмография тела. Если братья называли имена, придется переписать программу полностью (для справки: в трех балетах солируют Ульяна Лопаткина, Диана Вишнева, Светлана Захарова, Жанна Аюпова, Андриан Фадеев, Виктор Баранов, Илья Кузнецов, Максим Хребтов). Нет больше обреченных "заложников академической традиции", нет привычных солистов-детей, пытающихся компенсировать отсутствие интеллектуального, эмоционального и профессионального опыта силой разгоряченных молодых мышц. Дети выросли. Производство кончилось. Начались биографии.

Яна ЮРЬЕВА
Санкт-Петербург

Джон Ноймайер
и Мариинский театр
Приглашение хореографа такого калибра — радикальное средство

Сцена из спектакля "Звуки пустых страниц"